

Генри Лайон Олди
МЕССИЯ ОЧИЩАЕТ ДИСК
[отрывок]

У судьи Бао болела голова. Прописанное лекарем снадобье, обычно помогавшее в таких случаях, на этот раз действовать отказывалось. Виски ломила нудная, утомляющая боль, мысли путались, и судья бездумно перебирал скопившуюся на его столе кипу прошений, жалоб и других бумаг, скользя взглядом по ровным рядам иероглифов и не вникая в суть написанного.

За столом в углу так же нудно, как головная боль, бубнил что-то себе под нос прилизанный молодящийся сючай Сингэ Третий, сидевший на этом месте уже добрый десяток лет и никак не могущий сдать экзамен на степень цзюйжэня по причине "ограниченности ума, невосполнимой никаким усердием", как выразился однажды кто-то из экзаменаторов.

Сингэ Третий напоминал судье сючая из небезызвестной истории, который отдыхал нагишом в прохладе храма местного Бога земли и простудился. Принеся жертву божеству и выздоровев, обиженный сючай написал подробный доклад, где обвинял Бога земли в том, что тот хитростью выманил у него жертвоприношения, после чего сжег доклад в храме духа-покровителя местности. Не дождавшись ответа, сючай через десять дней написал доклад с обвинением духа - покровителя в пренебрежении своими обязанностями и сжег доклад в храме Яшмового Владыки.

Ночью сючаю приснилась огненная надпись на стене его дома, сделанная древним головастиковым письмом: "Бога земли, опозорившего свой ранг, сместить с должности. Духу-покровителю записать взыскание. Сючай такой-то за неуважение к духам и любовь к тяжбам получит тридцать палок через месяц с небольшим".

Что и произошло вскоре.

Но сейчас судье Бао было не до смеха: перед его мысленным взором мертвыми колодами лежали две женских руки.

Разумеется, никаких изображений дракона и тигра на руках Восьмой Тетушки при жизни не наблюдалось - это подтвердили и ее муж, красильщик Мао, и многочисленная родня, и еще более многочисленные соседи. Признаков воздействия колдовского или какого бы то ни было иного зелья также обнаружено не было. Судья еще раз осмотрел труп в присутствии управного лекаря, убедился, что странные трупные пятна никуда не исчезли, а, наоборот, стали еще более отчетливыми, распорядился занести это в протокол освидетельствования и грузной походкой отправился в канцелярию. Где теперь и сидел в отвратительном расположении духа и с раскалывающейся от боли головой.

- ...И представьте себе, высокоуважаемый сяньигун, ничего не взял в доме цзюйжэня Туна, зато изорвал в клочья его любимую тигровую орхидею, которую почтенный цзюйжэнь Тун растил в соответствии с каноном "Ба-хуа"...

- Кто изорвал? - без всякого интереса, просто чтобы отвлечься, переспросил выездной следователь, пропустивший мимо ушей всю предыдущую часть долгого и красочного повествования словоохотливого сючая.

- Да вор же! - обрадовано воскликнул Сингэ Третий, счастливый тем, что господин начальник наконец-то услышал и, кажется, даже заинтересовался его рассказом. - Изорвал любимую орхидею цзюйжэня Туна, а после воткнул себе садовый нож прямо в сердце! Цзюйжэня Туна, когда он об этом узнал, чуть удар не хватил, - довольно продолжил сючай, недолголюбивавший более удачливого, чем он сам (и, надо сказать, довольно заносчивого), Туна. - Из-за орхидеи, понятно, а не из-за вора... Так что теперь он в столицу не поедет; а заместитель ваш, досточтимый господин Фу, распорядился руки у покончившего с собой сумасшедшего вора отрубить и приколотить их к позорному столбу на городской площади, чтоб другим неповадно было.